

Рибо Теодюль

**О страстях: Психологические
этюды**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Т33

Т33 **Теодюль Р.**
О страстях: Психологические этюд / Рибо Теодюль – М.: Книга по Требованию, 2023. –
152 с.

ISBN 978-5-519-80666-4

ISBN 978-5-519-80666-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Что такое страсть?

I.

Хотя изученіе страстей такъ-же старо, какъ стары и самыя древнія философскія построенія, но я все-же не боюсь опять за него приняться, правда, въ болѣе спеціаль-ной, суженной формѣ, границы которой будутъ мною точно опредѣлены. Къ изученію страстей меня побудили два важ-ныхъ соображенія.

Во первыхъ, страсти, всѣ и во всей ихъ полнотѣ, не могутъ быть разсматриваемы, какъ болѣзни, хотя иногда онѣ настолько приближаются къ послѣднимъ, что разница между ними становится неуловимой и соединеніе ихъ въ одно понятіе неизбежно.

Во вторыхъ, терминъ „страсть“ въ современной психо-логіи изъять изъ обращенія и остался, такъ сказать, безъ употребленія, хотя, какъ мнѣ кажется, особо побудитель-ныхъ, законныхъ причинъ для этого не было. Я увидѣлъ себя поэтому вынужденнымъ заняться небольшимъ изслѣ-дованіемъ этого вопроса. Съ этой цѣлью я просмотрѣлъ около двадцати трудовъ, написанныхъ на разныхъ языкахъ и пользующихся въ различной степени расположеніемъ мыслящей публики. Мнѣ удалось установить, что только двѣ или три изъ этихъ работъ посвящаютъ нѣсколько краткихъ страницъ вопросу о „страстяхъ“. Читатель, ко-нечно, освободитъ меня отъ перечисленія авторовъ этихъ трудовъ, что было-бы совершенно бесполезно. У многихъ изъ нихъ слово „страсть“ даже ни разу не встрѣчается (Бэнъ, Джемсъ и др.). Другіе-же употребляютъ его мимохо-

характеръ, присущій страстямъ, и элементы, ихъ образующіе; нарисовать происхожденіе страстей, связавъ ихъ съ первичными наклонностями, изъ которыхъ онѣ происходятъ, и показать благодаря какимъ измѣняющимся комбинаціямъ происходятъ ихъ варіаціи; и, наконецъ, узнать почему и какимъ образомъ онѣ кончаются?

Раньше, изучая творческую фантазію, я пробовалъ выступить противъ необъяснимой традиции, которая хочетъ ее ограничить эстетикой и наукой, хотя всѣ проявленія человѣческой дѣятельности (политика, торговля, религія, практическія изобрѣтенія, механика, война и т. д.) даютъ примѣры изобрѣтательныхъ построеній, столь-же чудесныхъ, какъ и искусства. То же самое относительно страстей: существуетъ небольшое количество ихъ, всегда цитируемыхъ, дающихъ типы для психологическихъ описаній. Я попробовалъ расширить этотъ кругъ, не претендуя на полноту ихъ перечисленія и избѣгая ошибокъ тѣхъ, которые въ послѣднее столѣтіе превратили почти всѣ аффективныя явленія въ страсти.

Эта работа послужитъ также къ тому, чтобы показать, если это необходимо, что одни только внутреннія наблюденія и опыты недостаточны еще для того, чтобы создать психологію чувствъ. Безъ исторіи и біографическихъ документовъ мы не выйдѣмъ изъ туманныхъ обобщеній, и жизнь страстей—во всѣхъ ея варіаціяхъ и конкретной реальности—останется закрытой и недоступной.

ГЛАВА I.

Что такое страсть?

I.

Хотя изученіе страстей такъ-же старо, какъ стары и самыя древнія философскія построенія, но я все-же не боюсь опять за него приняться, правда, въ болѣе специальной, суженной формѣ, границы которой будутъ мною точно опредѣлены. Къ изученію страстей меня побудили два важныхъ соображенія.

Во первыхъ, страсти, всѣ и во всей ихъ полнотѣ, не могутъ быть разсматриваемы, какъ болѣзни, хотя иногда онѣ настолько приближаются къ послѣднимъ, что разница между ними становится неуловимой и соединеніе ихъ въ одно понятіе неизбежно.

Во вторыхъ, терминъ „страсть“ въ современной психологіи изъятъ изъ обращенія и остался, такъ сказать, безъ употребленія, хотя, какъ мнѣ кажется, особо побудительныхъ, законныхъ причинъ для этого не было. Я увидѣлъ себя поэтому вынужденнымъ заняться небольшимъ изслѣдованіемъ этого вопроса. Съ этой цѣлью я просмотрѣлъ около двадцати трудовъ, написанныхъ на разныхъ языкахъ и пользующихся въ различной степени расположеніемъ мыслящей публики. Мнѣ удалось установить, что только двѣ или три изъ этихъ работъ посвящаютъ нѣсколько краткихъ страницъ вопросу о „страстяхъ“. Читатель, конечно, освободить меня отъ перечисленія авторовъ этихъ трудовъ, что было-бы совершенно бесполезно. У многихъ изъ нихъ слово „страсть“ даже ни разу не встрѣчается (Бэнъ, Джемсъ и др.). Другіе-же употребляютъ его мимохо-

домъ и только для того, чтобы смѣшать его съ выраженіемъ „эмоція“ или чувство вообще, утверждая, что можно употреблять безразлично какъ „страсть“, такъ и „эмоція“. Иные довольствуются замѣчаніемъ, хотя и основательнымъ, что это очень туманное и растяжимое выраженіе, но имъ не приходится на умъ, что оно можетъ быть точно опредѣлено. Исключенія изъ этого всеобщаго пренебреженія словомъ „страсть“ встрѣчаются очень рѣдко¹⁾.

Между тѣмъ въ XVII вѣкѣ (Декартъ, Спиноза) и даже позже выраженію „страсть души“ придавали такой широкой смыслъ, что оно соотвѣтствовало нынѣшнему понятію аффективныхъ состояній и охватывало, такимъ образомъ, почти всю область чувствъ. Въ наше-же время это выраженіе почти вычеркнуто изъ психологіи или существуетъ только, какъ народное выраженіе. Начало этому изгнанію, насколько я могъ установить, положено англійскими авторами. Книга Бэна „Эмоція и воля“ и знаменитая работа Дарвина „О выраженіи ощущеній“ имѣли, мнѣ кажется, въ этомъ отношеніи самое рѣшительное вліяніе²⁾.

¹⁾ Напримѣръ, Геддчингъ (Психологія VI) заявляетъ, что «употребляетъ слово страсть въ болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ это обыкновенно принято, но не устанавливаетъ ясной разницы между словомъ эмоція и страсть». На конгрессѣ въ Римѣ (апрѣль 1905 г.) д-ръ Ренда (изъ Кампобассо) поддерживалъ вмѣстѣ съ нами тезисъ различія и даже противоположности между эмоціей и страстью.

²⁾ По этому поводу мнѣ кажется весьма поучительнымъ слѣдующій отрывокъ изъ Д. Сюлли «The Human Mind» (т. 2, стр. 56) «Номенклатура чувствъ (feelings) въ недостаточной мѣрѣ установлена. Слово «эмоція» начинаетъ повсюду употребляться для обозначенія всей высшей группы чувствъ. Выраженія «аффектъ», «страсть» соотвѣтствуютъ у старыхъ авторовъ тому, что мы въ настоящее время объединяемъ въ словѣ «страсть», но предпочтительнѣе употреблять слово «эмоція», какъ родовой терминъ, и сохранить «аффектъ» и «страсть» для извѣстныхъ модификацій. Такъ, предпочтительнѣе называть страстью самыя бурныя проявленія чувства (страстная любовь и ненависть), которыя мы противопоставляемъ мысли и разсудку». Мы увидимъ дальше, что бурность не характерна для всѣхъ страстей и что ихъ специфическій характеръ, если онъ есть, находится въ другомъ мѣстѣ.

Это отождествленіе различныхъ по своей формѣ состояній души—эмоціи и страсти—или вѣрнѣе, конфискація качествъ одного изъ нихъ въ исключительное пользованіе другого, которое становится, такимъ образомъ, общимъ терминомъ, мнѣ кажется неудачнымъ и способнымъ лишь затемнить номенклатуру и безъ того достаточно неясную. Несомнѣнно, что называть однимъ словомъ „эмоція“ аффективныя состоянія—большія и малыя, бурныя и умѣренныя, поверхностныя и глубокія, простыя и сложныя—съ одной стороны, и съ другой—спеціальныя проявленія чувствъ, имѣющія свой специфическій характеръ, какъ, напримѣръ, страхъ, гнѣвъ, скорбь и т. д., представляетъ большія неудобства. Это обобщеніе такъ-же мало разумно, какъ если-бы въ научной классификаціи давать одно и то-же названіе роду и его видамъ.

Тенденція нашихъ психологовъ—не отводить страстямъ спеціальной главы въ психологическихъ трудахъ—есть шагъ назадъ. Уже въ концѣ XVII столѣтія Кантъ въ одномъ отрывкѣ, часто цитируемомъ, устанавливаетъ между страстью и чувствомъ различіе ясное, точное и положительное (Антропология, кн. III, § 73). „Эмоція—говоритъ онъ,—все равно, что вода, прорывающая плотину, страсть-же—это потокъ, роющій себѣ все болѣе глубокое ложе. Эмоція, какъ опьяненіе, скоро проходитъ, страсть—это болѣзнь, результатъ порочнаго строенія или поглощеннаго яда и т. д.“. Позиція Канта, въ настоящее время оставленная, должна быть снова восстановлена, но съ помощью методовъ и источниковъ современной психологіи, а преувеличенное мнѣніе, рассматривающее всѣ страсти, какъ болѣзни, должно быть отброшено.

Цѣлью этой работы является борьба съ современнымъ теченіемъ.

Для ясности изложенія я раздѣлилъ проявленія чувствъ на три группы: аффективныя состоянія въ собственномъ смыслѣ слова, эмоціи и страсти. Я не настаиваю на томъ,

что эта классификація выше критики, но я прошу принять ее временно, въ виду ея дидактической цѣнности.

1. Есть аффективныя состоянія, которыя выражаютъ наши желанія, нужды, наклонности, присущія психо-физическому состоянію нашего организма. Они составляютъ нормальное и обыкновенное теченіе чувственной жизни, которая у средняго человѣка образуется не изъ эмоцій и страстей, но изъ состояній слабой или средней интенсивности. Это опредѣленіе несомнѣнно туманно, но я не нахожу другого.

Состоянія пріятныя или непріятныя, вытекающія изъ необходимости удовлетворить потребности организма, изъ впечатлѣній нашихъ органовъ чувствъ, изъ воспріятій эстетическихъ и научныхъ, которыя представляются намъ случайно, изъ религіозныхъ стремленій, изъ сношеній съ другими людьми—все это составляетъ нормальное и обыкновенное содержаніе нашей повседневной аффективной жизни. Какъ назвать эти состоянія, не говоря пока объ эмоціяхъ и страстяхъ? Терминъ болѣе общій является и болѣе подходящимъ. Такимъ терминомъ будетъ: чувства или аффективныя состоянія. Такъ какъ чувствъ отвлеченныхъ не существуетъ, то это множество состояній, которыя владѣютъ нашимъ сознаніемъ, имѣютъ каждое свою форму, особый составъ, въ зависимости отъ натуры субъекта, ихъ переживающаго, отъ мѣста и момента. Такъ, примѣръ симпатія или антипатія имѣютъ различныя названія, смотря по тому, относятся-ли онѣ къ родителямъ, дѣтямъ, друзьямъ, соотечественникамъ, иностранцамъ и т. д., или смотря по тому постоянны или случайны эти чувства, слабы или сильны.

Чувства, часто встрѣчающіяся, имѣютъ названія на всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ нарѣчіяхъ, но есть чувства, остающіяся безъ названій, такъ какъ они рѣдки, неуловимы и строго индивидуальны. Наши языки, созданные для интеллектуальныхъ потребностей и обмѣна идей, недостаточны для полнаго выраженія всего того, что *чувствуется*.

Напримѣръ, говорятъ, и не безъ основанія, что у мистиковъ эротизмъ въ рѣчи является только средствомъ для объясненія спеціальныхъ чувствованій, которыя невозможно выразить на общедоступномъ языкѣ. Выражаются аналогіями, и это придаетъ рѣчи совсѣмъ другой характеръ ¹⁾).

2. Эмоція характеризуется тѣмъ, что начинается толчкомъ, нарушеніемъ душевнаго равновѣсія. Это есть внезапная и рѣзкая реакція нашихъ эгоистическихъ инстинктовъ (страхъ, радость, гнѣвъ) или альтруистическихъ (жалость, нѣжность и т. д.), выражающаяся въ движеніяхъ или остановкахъ движеній; явленіе это сложное, неясное, исходящее изъ безсознательной сферы нашей организаціи, при незначительномъ лишь участіи интеллекта. Сознательное познаніе появляется по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ эмоціональное затемнѣніе. Таковы: гнѣвъ, припадокъ любовной страсти и др. Эмоція опредѣляется двумя главными признаками — интенсивностью и непродолжительностью. Я не займусь болѣе подробнымъ анализомъ, считая это бесполезнымъ для нашей темы, тѣмъ болѣе, что это въ достаточной мѣрѣ сдѣлано уже современными психологами ²⁾, а также нами-же въ другихъ трудахъ.

3. Страсть имѣетъ другія отличительныя черты. Пока можно сказать, что она отличается отъ эмоціи преобладаніемъ интеллектуальной стороны (идея, образъ), относительно стойкостью и продолжительностью. Однимъ словомъ, съ небольшими оговорками, которыя будутъ изложены ниже, можно сказать, что страсть есть *продолженная и интеллектуализированная эмоція*. Чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться въ нашей работѣ, тѣмъ больше мы будемъ убѣждаться, что эмоція и страсть, несмотря на общую основу, не только различны, но и *противоположны*. Эмоція есть состояніе первичное, необработанное, страсть — состояніе

¹⁾ Brenier de Montmorand, Les états mystiques, Rev. phil. іюль 1905 г.

²⁾ См., главнымъ образомъ, Поланъ (Paulhan) «Аффективныя явленія», стр. 89 и слѣд.

вторичное и болѣе сложное. Эмоція — созданіе природы, непосредственный результатъ нашей организаціи; страсть — частью естественнаго, частью искусственнаго происхожденія, она есть слѣдствіе мысли, размышленія, прилагаемаго къ нашимъ инстинктамъ, нашимъ наклонностямъ. Эмоція противопоставляется страсти, какъ въ патологіи острое состояніе — хроническому. Можно даже продолжить сравненіе: страсть, какъ и хроническая болѣзнь, имѣетъ неожиданныя обостренія, которыя возвращаютъ ее къ острой формѣ, т. е. къ взрыву эмоціи; продолжительная страсть прерывается эмоціональными приступами.

Замѣтимъ, что это не пустое словопреніе, а необходимая попытка раздѣленія. Чѣмъ труднѣе установить ясныя раздѣленія въ области неясныхъ и постоянно мѣняющихся чувствъ, тѣмъ желательнѣе рельефнѣе выдвинуть и отдѣлить нѣкоторыя проявленія аффективной жизни, обладающія отличительными, специфическими чертами.

Въ психологіи интеллекта не смѣшиваютъ воспріятія, образа и понятія, хотя воспріятіе бываетъ иногда окутано образами, а образъ приближается иногда къ понятію. Будемъ дѣлать то-же самое въ психологіи чувствъ: я надѣюсь доказать, что страсти въ ихъ типичныхъ формахъ обладаютъ постоянными отличительными чертами и въ изученіи аффективной жизни имѣютъ право на специальную главу.

II.

Приступая къ нашему предмету, необходимо точно опредѣлить его. Цѣль этой работы не есть только описаніе страстей, но опытъ общей психологіи, который мы сведемъ къ слѣдующимъ вопросамъ: Какъ зарождаются страсти? Какъ онѣ протекаютъ? Какъ онѣ оканчиваются?

Страсти обязаны своимъ происхожденіемъ внутреннимъ и внѣшнимъ причинамъ.

1. Относительно внѣшнихъ причинъ будетъ достаточно сказать нѣсколько словъ, такъ какъ онѣ менѣе важны и болѣе извѣстны.

1. Прежде всего существуютъ условія внѣшней среды и случайныя обстоятельства, которыя способствуютъ появленію и развитію тенденціи „въ зародышѣ“, въ скрытомъ состояніи, или, выражаясь менѣе загадочно и болѣе точно, которая слишкомъ малодѣтельна, чтобы быть отмѣченной. Вліяніе внѣшнихъ причинъ обратно пропорціонально силѣ предрасположенія, причинѣ *внутренней*. Если предрасположеніе велико, то достаточно случая, кратковременнаго обстоятельства; если-же оно слабо, то необходимо повтореніе внѣшнихъ вліяній. Это соотвѣтствуетъ тому, что происходитъ при интеллектуальныхъ призваніяхъ (художники, музыканты, математики, механики): скрытая наклонность, какъ и скрытое призваніе, возбужденное внѣшней причиной, прорывается и пробиваетъ себѣ дорогу.

2. Подражаніе. Это источникъ большого количества страстей, которыя длятся столько, сколько могутъ: однѣ исчезаютъ мало-по-малу, другія вкореняются навсегда. Различіе, сдѣланное Тардомъ, между „подражаніемъ—привычкой“ и „подражаніемъ—модой“ очень подходитъ къ данному случаю: первое—постоянно, второе—кратковременно. Если-бы слово не имѣло двоякаго смысла, можно было-бы сказать, что существуютъ *врожденные* страсти, сильныя и постоянныя, и страсти *пріобрѣтенныя*, слабыя и непродолжительныя ¹⁾. Сильныя страсти мало обязаны подражанію и остаются сходными во всѣхъ временахъ и обстоятельствахъ. Что касается другихъ страстей, то исторія отмѣчаетъ любопытные факты измѣненій ихъ, въ зависимости отъ обычая эпохи. Такъ, напримѣръ, было съ любовью. Мнѣ кажется, что и страсть къ деньгамъ приняла въ наше время скорѣе

¹⁾ Всѣ страсти, появляющіяся вторично, несомнѣнно *пріобрѣтенныя*; но я называю *врожденными* тѣ, которыя зарождаются прямо и самопроизвольно отъ господствующей наклонности у чловѣка.

форму тщеславія и расточительности, чѣмъ скупости, хотя наклонность, которая является источникомъ ея, остается одна и та же.

3. Внушеніе есть несомнѣнно форма подражанія, но оно отчасти и отличается отъ него. Въ подражаніи инициатива повтореній исходитъ отъ подражателя; во внушеніи инициатива исходитъ, главнымъ образомъ, отъ внѣшней причины. Эта внѣшняя причина можетъ быть, безразлично, человѣкомъ, вещью и чтеніемъ. Вспомнимъ о вліяніи внушенія на зарожденіе любовной страсти, эстетической, воинственной и т. д. Вліяетъ оно даже на дѣтей.

Во всякомъ случаѣ внушеніе заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ это источникъ, питающій *коллективныя* страсти, вызываемыя религіозными, политическими и социальными вопросами, или даже просто какимъ-нибудь громкимъ событіемъ. Эти страсти требуютъ, кромѣ подражанія, тотъ элементъ броженія, который присущъ психологіи толпы и безъ котораго не можетъ быть возбуждена мысль.

II. Истинныя причины это *внутреннія*, и таковой, въ сущности, является только одна—фізіологическое устройство человѣка, его темпераментъ и характеръ. На этомъ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ это и есть истинное начало страстей, источникъ, откуда онѣ появляются.

Какъ аффективное существо, человѣкъ представляетъ сплетеніе потребностей, наклонностей, желаній и отвращеній, связанныхъ съ его органической или сознательной жизнью и составляющихъ значительную часть всей его индивидуальности. Можно допустить почти съ увѣренностью, что у нормальнаго человѣка существуютъ *всѣ* наклонности, т. е. при соотвѣтствующихъ условіяхъ онѣ могутъ проявиться.

✓ Возьмемъ, на примѣръ, грубаго, некультурнаго и ограниченнаго крестьянина. Потребности питанія, половыя вожделѣнія, инстинктъ самосохраненія, нѣкоторыя семейныя и социальныя наклонности, ребяческое и незначительное любопытство (что составляетъ проявленіе интеллектуальнаго чувства),